

УДК 343

ББК 67.408

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ КАК ВИД ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В РУССКОМ ПРАВЕ XVIII-XIX ВЕКОВ

Екатерина Закариевна Сидорова

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,

младший лейтенант полиции,

кандидат юридических наук

**Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел
России**

Иркутск, Россия

ketrik6@mail.ru

Настоящая статья посвящена историко-правовому анализу существования и развития свидетельских показаний как одного из видов доказательств в уголовном праве России прошлых столетий. Автор отмечает, что о правах и обязанностях свидетелей законодатель упоминает как в XVIII, так и в XIX веках. Тем не менее, объем свидетельских прав и обязанностей в русском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве XVIII и XIX веков был различным. Более подробная их регламентация связана, по мнению автора, с развитием русского права.

Ключевые слова: уголовное право, свидетель, уголовный процесс, история уголовного права.

TESTIMONY AS EVIDENCE IN RUSSIAN LAW IN XVIII-XIX CENTURIES

Sidorova Ekaterina Zakharievna,
lecturer of the Department of criminal law and criminology,
Junior lieutenant of police,
PhD in Juridical sciences
Federal state educational institution of higher education
«East-Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia»
Irkutsk, Russia
ketrik6@mail.ru

The paper is devoted to the historical and legal analysis of the existence and development of testimony as one of the types of evidence in the criminal law of Russia of the past centuries. The author points out that the legislator mentions the rights and duties of witnesses both in the XVIII and XIX centuries. Nevertheless, the scope of witness rights and obligations in Russian criminal and criminal procedure legislation of the XVIII and XIX centuries was different. The author connects their more detailed regulation with the development of Russian law.

Key words: criminal law, witness, criminal procedure, history of criminal law.

В XVIII веке понятия «предварительное расследование» не было, оно появляется позднее. Но, несмотря на отсутствие прописанных в законодательстве стадий уголовного процесса, данные стадии, как таковые, существовали.

В предварительном расследовании XVIII – XIX веков участие принимали различные лица. К ним относились ответчик, челобитчик, свидетели, окольные люди и другие. Однако процессуальные права и обязанности лиц, участвующих в предварительном следствии, были не одинаковы. В зависимости от того, какая роль в предварительном расследовании отводилась участникам, среди

них можно выделить главных участвующих лиц и сопутствующих. К последним относились и свидетели.

Определение понятию «свидетель» дают многие ученые-юристы, в том числе И. Я. Фойницкий: «Свидетель – это физическое лицо, имеющее об обстоятельствах производимого в суде дела сведения, которые были получены путем личного наблюдения, и вызванное в суд для удостоверения перед ним этих обстоятельств в установленном законом порядке. Даваемые им ответы образуют один из видов доказательств – свидетельские показания» [Фойницкий, 1996, с. 295]. Данный вид доказательства широко применялся в судебных разбирательствах XIX века.

В целом такой вид доказательств, как свидетельские показания, существовал и до XVIII века. Свидетель мог являться участником как досудебного, так и судебного производства, причем и в гражданском, и в уголовном процессе.

Свидетелем могло быть только физическое лицо. Юридическое лицо, как таковое, свидетельских показаний давать не могло.

Как на предварительном, так и на судебном следствии дача показаний свидетелем предполагалась устной.

Не будучи участвующими в деле лицами, а являясь лишь доказательством, свидетели не пользовались процессуальными правами сторон, не могли принимать активного участия в разбирательстве. Свидетели, однако, имели особенные права, вытекающие из возложения на них публичной обязанности – дачи показаний.

Важно отметить, что в законодательстве XVIII века права и обязанности свидетелей не были так четко и подробно прописаны, как это было сделано в Уставе уголовного судопроизводства.

Согласно указу Петра I «Об отмене в судных делах очных ставок,...о свидетелях...» 1697 года показания свидетелей считались решающими для дела лишь в том случае, если обе стороны ссылались на одних и тех же свидетелей [Об отмене в судных делах очных ставок, 1961]. По существу, речь шла о так

называемой общей ссылке, известной ещё «Соборному Уложению» [Соборное уложение 1649 года, 1987]. Был возможен и отвод свидетелей. Поводом для отвода признавались враждебные отношения между свидетелем и ответчиком, а за дачу свидетелем ложного показания устанавливалась смертная казнь.

Лжеприсяге и лжесвидетельству была посвящена глава XXII «Артикула Воинского» 1716 года. Этим составам преступлений уделяется особое место потому, что законодатель видел в этих деяниях подрыв веры в Бога, поскольку при произнесении клятвы целовали крест и упоминали Бога. В отличие от указа 1697 года «Артикул Воинский» устанавливал иное наказание за лжесвидетельство. За совершение этого деяния полагались отсечение двух пальцев, которыми лицо присягало, и ссылка на каторгу, в редких случаях – смертная казнь. К тому же лжесвидетели подвергались церковному покаянию [Устав воинский, 1961].

«Краткое изображение Процессов или Судебных тяжб» 1716 года полностью конструирует систему доказательств, в том числе изменения коснулись и показаний свидетелей. В частности, была отменена такая форма свидетельских показаний, как общая ссылка. Однако при этом расширился перечень лиц, которые отводились от процедуры дачи свидетельских показаний. Еще одно изменение, коснувшееся свидетелей, было связано с тем, что теперь свидетельские показания оценивались в зависимости от личности свидетеля. И даже самые полные показания, данные только одним свидетелем, не были исчерпывающим доказательством. Теперь требовалось подтверждение слов одного свидетеля, требовалась иная доказательственная база.

Важно отметить, что права и обязанности свидетелей рассматривались в главе III «Краткого изображения Процессов». Названный нормативно-правовой акт разрешил выступать в качестве свидетелей не только мужчинам, но и женщинам. Однако ограничения по-прежнему существовали, не все лица могли выступать в качестве свидетелей, в связи с чем, их показания не учитывались в судебном разбирательстве. В рассматриваемый нами период времени был провозглашен принцип о возможности привлечения человека к

свидетельствованию. Свидетелем в тот период мог выступать только человек с незапятнанной репутацией, «беспорочный», «добрый». В результате действия данного принципа свидетелями по судебным делам не могли быть те, кто навсегда лишался права давать свидетельские показания, к числу которых относились лица, отлученные от церкви, клятвопреступники, разбойники и иные, а также те, кто не мог свидетельствовать именно по данному делу, например, родственники заинтересованных сторон, враждующие лица, сами стороны по делу и другие.

Особое внимание следует уделить такой категории, как «негодные» свидетели. К ним относились лица, не достигшие совершеннолетнего возраста, то есть 15 лет на тот период, и лица, которые не приняли причастия. Кроме этого, свидетелями не могли выступать лица, не являвшиеся прямыми очевидцами произошедшего, но могущие рассказать о случившемся с чужих слов.

Следует отметить, что законодатель того времени акцентировал внимание также на том, что свидетельские расходы на проезд к суду из отдаленной территории должны быть компенсированы. Очевидным было то, что обязанность по компенсации таких расходов возлагалась на ту сторону, которая ссылалась на данного свидетеля.

Свидетель не обладал правом, а именно обязывался давать показания. Отказ от дачи показаний был недопустим и соответствующим образом наказывался. Кроме этого, обязательным было принесение присяги перед дачей показаний. Закон того времени отражал классовое деление всех участников уголовного судопроизводства, и привилегированное положение в данном вопросе занимали лица дворянского происхождения. Высокопоставленные лица, которые должны были выступать свидетелями по делу, в суд не вызывались, а допрашивались на дому. На дому также допрашивались свидетели, которые больны. Самое главное, свидетель не обязан отвечать на чьи бы то ни было вопросы, кроме вопросов судьи.

Если это необходимо, стороны могли похадатайствовать о том, чтобы к судебному разбирательству были привлечены дополнительные свидетели. И при этом только суд решал, допустить таких свидетелей к производству или нет. Однако дело разрешалось в зависимости не от того, насколько достоверны, по мнению суда, показания свидетелей, а от того, сколько этих свидетелей и кто они. Для закона существуют не только «негодные» свидетели, но и лучшие и худшие. Критерий для определения достоверности свидетельских показаний является, разумеется, формальным (показания мужчины считались более надёжными) и классовым.

В «Кратком изображении Процессов» есть статья, посвященная наказанию за лжесвидетельство. Так же, как и в предшествующих актах, наказание очень строго: предполагается отсечение пальцев, публичное покаяние в церкви, а также ссылка на каторгу. К тому же лжесвидетели больше никогда не могли выступать на суде в качестве свидетелей. Однако смертная казнь за совершение этого деяния уже не устанавливалась.

Во второй половине XIX века в «Уставе уголовного судопроизводства» уже присутствует понятие «предварительное расследование». К тому же более подробно фиксируются права и обязанности таких участников процесса, как свидетели, которые призывались для разъяснения тех или иных обстоятельств. Свидетель ценен своими личными наблюдениями, которые и должны были стать содержанием его показаний. В этом смысле он представлялся незаменимым доказательством, отличаясь от экспертов, переводчиков и других лиц, которые значимы лишь своей профессией. Но это не только не исключало возможности обладания свидетелем особыми сведениями по какой-либо специальности или профессии, но даже делало таких сведущих свидетелей особенно ценными для правосудия, так как их сведения считались более авторитетными.

Свидетели не имели тех процессуальных прав, какие принадлежали, с одной стороны, обвиняемому, с другой – жалобщику. Тем не менее, они обладали особыми правами.

Свидетели ограждались не только от посторонних влияний, но и от мести за данные ими показания. Поэтому на предварительном следствии они допрашивались порознь, и первоначальный допрос свидетелей мог даже осуществляться в отсутствии подсудимого [Свод законов Российской Империи, 1892].

За потерянное время и путевые расходы они, как и по законодательству XVIII века, получали вознаграждение, которое выплачивалось уже теми, кто нес судебные издержки по уголовным делам. Право на вознаграждение закон признавал, однако, не за всеми свидетелями, а только за вызываемыми с мест, находящихся в значительном отдалении от суда, причем в законодательстве отмечалось стремление увеличить расстояние, не покрываемое вознаграждением.

Обязанности свидетелей распадалась на формальные и материальные. Первая обязанность включала в себя: явку по вызову, принесение присяги, выполнение условий, предполагаемых допросом и обязанность ответа.

Материальная обязанность свидетелей – дача ответа правильного, содержащего в себе все, что свидетелю было известно по делу.

Исполнение функции свидетеля перед судом было обязательно для каждого лица. Однако имели место случаи, когда лицо освобождалось от дачи свидетельских показаний, как полностью, так и частично. Такое освобождение было возможно только в тех случаях, когда этого требовала этика и мораль того времени. Примером полного освобождения от дачи свидетельских показаний являются случаи освобождения близких родственников подсудимого от их дачи. Однако такое освобождение было возможно только по просьбе самих родственников. В противном случае они привлекались в качестве свидетелей, и их показания учитывались судом. Таким правом ближайшие родственники пользовались как на предварительном, так и на судебном следствии. Следует подчеркнуть, что освобождение от дачи показаний было возможно для них только в полном объеме, то есть они либо давали показания и без присяги отвечали на все поставленные перед ними вопросы, либо абсолютно не

привлекались к данной процедуре. Частичное свидетельствование для них было невозможно. Единственное исключение из данного правила – частично могли не даваться показания об обстоятельствах, доверенных им втайне. Примером таких свидетелей выступали присяжные, священнослужители, поверенные и иные доверенные лица. Закон, наконец, запрещал совместимость свидетельства с некоторыми процессуальными функциями и выполнением функций сведущих людей.

Нарушение материальной обязанности, лежащей на свидетеле, то есть дача ложного показания, в результате, как и прежде, вела к уголовной ответственности за лжесвидетельство. Неисполнение формальных обязанностей давало суду право налагать на уклоняющихся денежные взыскания или подвергать их приводу.

Итак, чтобы подвести итог, необходимо напомнить, что участниками предварительного расследования являются лица, так или иначе соприкасающиеся с его производством. Немалую роль в этом играют и свидетели. О правах и обязанностях свидетелей законодатель упоминает как в XVIII, так и в XIX столетиях. Тем не менее, объем свидетельских прав и обязанностей в русском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве XVIII и XIX веков был различным. Более подробно и регламентированно свидетельские права и обязанности фиксируются в «Уставе уголовного судопроизводства». Это связано, несомненно, с развитием русского права, что положительно отразилось на всем законодательстве в целом.

Библиографический список

1. Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводах оных, присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах. Ст.2. / Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. проф. К. А. Софроненко. М.: Гос. изд-во юрид. Лит., 1961. Выпуск 8. 667 с.
2. Свод законов Российской Империи: Устав уголовного судопроизводства. Т. 16: Ч. 1 – СПб.: Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1892. 348 с.

3. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий / Г. В. Абрамович, Л. И. Ивина, А. Г. Маньков, Б. Н. Миронов, и др.; Редкол.: В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панях. Л.: Наука, 1987. 448 с.

4. Устав воинский, Артикул Воинский с кратким толкованием. Арт. 196 – 198.// Памятники русского права: [в 8 вып.] / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. 667 с.

5. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства, Т. 2 / общ. ред. послесл., примеч., крат. биогр. свед. А. В. Смирнова. – по 3-ему изд. СПб., 1996. 552 с.

References

1. Cathedral code of 1649. Text. Review / G. V. Abramovich, L. I. Ivina, A. G. Mankov, B. N. Mironov, etc.; Eds: V. I. Buganov, M. P. Iroshnikov, A. G. Mankov, V. M. Paneyakh. Leningrad: Nauka, 1987. 448 p. (in Russian)

2. Code of laws of the Russian Empire: Statute of criminal proceedings. Vol. 16: Part 1 – Saint Petersburg: Russkoe knizhnoe tovarischestvo "Deyatel", 1892. 348 p. (in Russian)

3. Foinitsky I. Ya. Course of criminal proceedings, V. 2 / Ed. by A. V. Smirnov. – on the 3rd ed. Saint Petersburg., 1996. 552 p. (in Russian)

4. Military regulations, Military article with a brief interpretation. Art. 196 – 198.// Monuments of Russian law: [in 8 vol.] / ed. by K. A. Safronenko. Moscow, 1961. Issue. 8: Legislative acts of Peter I. 667 p. (in Russian)

5. On cancellation of judgment in the affairs of confrontations instead of questioning and investigation, on witnesses and their exceptions, the oath, the punishment of false witnesses and toll money. Art.2. / Monuments of Russian law: 8 vol. / ed. by Professor K. A. Safronenko. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoi literatury, 1961. Issue 8. 667 p. (in Russian)